Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация

И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин

Ирина Валентиновна Гончарова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. 302026 г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95. E-mail: 79066610166@yandex.ru

Герман Сергеевич Чувардин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. 302026 г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95. E-mail: wodantag@mail.ru

В статье показана политика большевиков по организации в деревне коммун как высшей формы социалистического устройства сельского быта в послереволюционный период. Архивные материалы приоткрывают замысел власти по созданию этого типа коллективных хозяйств, порожденный революционной эйфорией, и некоторые особенности его воплощения в губерниях земледельческого центра страны в период нэпа. Опыт орловских коммун обнаруживает зависимость этих коллективных объединений от государственных дотаций и государственного земельного фонда. Особый интерес историков привлекает социальный состав коммунаров и их действительные мотивы в связи с организацией своих коммун. Важнейшим фактором, определявшим повседневную жизнь коммун в 1920-е — начале 1930-х гг., было отношение к ним властных органов. В этот период взгляды руководителей партии на коммуны изменялись в зависимости от стратегических задач государственной аграрной политики. В период нэпа, когда были частично разрешены товарно-денежные отношения и развитие частной инициативы, коммуны позиционировались как образцовые хозяйства будущего, транслирующие местным крестьянам новый образ жизни и совместного ведения хозяйства. Их экономическая нерентабельность отходила на второй план по сравнению с задачей культурного просвещения местных крестьян, что становилось стимулом для участия в коммунах наиболее предприимчивых крестьян, которые использовали государственные дотации для улучшения собственного материального положения. Дети коммунаров активно учились, и пребывание в коммуне, таким образом, использовалось и в качестве лифта социальной мобильности. Но с проведением коллективизации отношение государства к коммунам изменилось. Эти организации стали подвергаться тщательному обследованию и резкой критике. Был взят курс на ликвидацию многоукладности в аграрном секторе, доминирующей формой коллективных хозяйств провозглашалась артель.

Ключевые слова: крестьяне, Центральное Черноземье, коммуны, колхозы, власть, большевики, коллективизация

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-105-122

Первые коммуны в черноземной деревне появились сразу после революционного передела земли. В Орловской губернии Парамоновская коммуна из 30 крестьянских семей организовалась в 1918 году в Селиховской волости Болховского уезда (Аграрная политика..., 1954: 477). Новая власть возлагала на коммуны в первую очередь социальные задачи. В период «военного коммунизма» социально-политическая обстановка в деревне резко обострилась в связи с маргинализацией общества и притоком сюда рабочих и бывших военных. Власть предпринимала усилия к тому, чтобы направить их активность на организацию новых форм быта на селе. В 1918 г. в Городищенской волости Мценского уезда Орловской губернии солдат Тимофеев, участник I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун, вернувшись с фронта, организовал коммуну «Восходящее солнце»[1]. Другие коммуны в Мценском уезде возглавляли приехавшие в деревню шахтеры[2]. Отсутствие опыта хозяйственной деятельности у организаторов коммун оборачивалось тем, что в приоритете были не экономические задачи, а политические. Коммуны должны были повлиять на крестьянское мировоззрение, сформировать лояльность к новым проектам власти в деревне.

В первые послереволюционные годы коммуны были государственными структурами, но с переходом к нэпу ситуация изменилась, их стали переводить на хозрасчет как кооперативные структуры. Но, в отличие от кооперативов XIX — начала XX в., коммуны были малочисленны, нестабильны и не имели выраженной специализации. Исследователь крестьянских объединений первых десятилетий XX в. В.В. Кабанов проводит параллель между этими коммунами и традиционной формой крестьянского объединения внутри общины — супрягой. В супряги входило, как правило, от 2 до 5 крестьянских хозяйств с недостатком скота и инвентаря. Они создавались на один сезон и для определенного вида работ. Главным стимулом объединения были не туманные перспективы светлого будущего, а реальная нужда. При достатке в хозяйстве крестьянин предпочитал работать единолично, используя труд своей семьи или наемных работников. «Здесь мы сталкиваемся, — пишет Кабанов, — со своеобразным, чисто крестьянским пониманием коллективного хозяйствования, когда колхоз строится по принципу традиционной, хорошо известной крестьянской взаимопомощи, типа супряги, объединявшей 2-3-5 хозяйств. Как и у сопрягавшихся, в таких карликовых хозяйствах также отсутствовали: в одном хозяйстве — рабочий скот, в другом — инвентарь, в третьем — рабочие руки и т. д. Простое сложение средств производства давало выход из положения. А если принять во внимание тот факт, что некоторые такие хозяйства не обобществляли скот, инвентарь, а то и по-

1. «Беднота», 15 декабря 1918 г.
2. «Беднота», 14 января 1919 г.

сев, то перед нами по существу остается та же супряга» (Кабанов, 1997: 76). В.П. Данилов называл это время «мануфактурным» периодом колхозного строительства (Данилов, 1962).

Весьма противоречивыми были целевые установки организаторов новых институтов деревни. «Голос трудового крестьянства» зафиксировал «разное понимание сущности коллективных хозяйств у инициаторов» уже осенью 1918 г. на съезде коммун в Орле: «Одни участники съезда — люди типа "хозяйственных мужичков" — видели в них лишь способ поправить дела в своих единоличных хозяйствах... Другие считали коммуны ячейками нового строя и стремились реализовать положения устава коммуны с целью достижения социалистического идеала. Наконец, выделялось и третье течение, особенно заметное в тех уездах, где жили сектанты евангелического толка. Коммунары этого типа хотели создать в коммунах религиозные братства, члены которых были бы связаны христианской любовью»[3].

На протяжении первого послереволюционного десятилетия менялся социальный статус организаторов коммун. В 1918–1919 гг. в основном это были бедняки. Показательна история образцовой «Коммуны III интернационала» Орловского уезда. В августе 1918 г. ее собрали из 80 беднейших крестьян села Никольского Орловской губернии члены местной партийной ячейки. В фондах Орловского областного архива сохранилась официальная версия ее истории: «Весной 1919 г. коммуна принимала деятельное участие в борьбе с бандитизмом, она борется с бандами Силаева. Осенью 1919 г. при нашествии банд Деникина коммунары эвакуировали женщин и детей за Орел, сами же с оружием в руках отступали последними, раздав войскам и местному населению все продукты, собранные с урожая. Самое тяжелое время с осени 1919 г. до весны 1920 г., когда, поехав в Самарскую губернию, коммуна погибала, теряя свои силы, живой и мертвый инвентарь. Большинство членов заболело тифом в пути в холодных вагонах, приехали на место все больные и затем настал кошмарный период смертей по несколько человек в ночь, и много погибло коммунаров, и остались лежать в голодной Самарской губернии»[4].

Весной 1920 г. коммунары вернулись в Орловскую губернию, основали свое хозяйство на средства, вырученные после продажи урожая, освободились от «случайных» элементов. В 1925 г. коммуна насчитывала 97 человек (24 семьи), большинство — молодые бедняки. В ее инфраструктуре были школа, детдом, клуб с библиотекой и роялем, в красном уголке которого партийцы и комсомольцы читали лекции для местных крестьян. Идеологическая партийная работа являлась своеобразным лифтом социальной мобильности: 5 молодых коммунаров обучались в партшколе и на рабфаке. Во вре-

3. «Голос трудового крестьянства». 16 ноября 1918 г.
4. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 73.

мя революционных праздников устраивались торжественные заседания, концерты и спектакли, проводились демонстрации и митинги. «Словом, коммуна живет новым бытом без всяких старых обветшалых культов, обычаев и суеверий... Внутренняя коммунальная жизнь постепенно налаживается. В коммуне общий стол для взрослых. Отдельное общее питание детей, общий труд и специализированный труд по отдельным отраслям хозяйства, мастерству и ремеслам. Общее снабжение одеждой, обувью и другими предметами домашней жизни. Имеется портняжная мастерская. В ближайшее время дома будут перестроены для правильного нормального планомерного приспособления их для квартир взрослым и для общежитий для молодежи и детей»[5]. Никто из членов «Коммуны III интернационала» не имел права производить какие-либо работы без ведома и контроля коммуны, даже в свободное время. Так, по мнению «Орловской правды», должна выглядеть «созидающая пролетарская семья»[6]. Такое сравнение не случайно. Большевики считали деревню отсталой и консервативной средой, поэтому коммунистические организации на селе должны были ориентироваться на городских рабочих. Примечательно, что в описаниях нет ни слова о хозяйственных успехах коммуны.

Но подобные «островки» коммунистического быта были редкостью, и удержаться в период нэпа им было трудно[7]. По мере возрождения рыночных отношений индивидуальные устремления крестьян-коммунаров подрывали коллективный способ ведения хозяйства, «новый быт» не укладывался в жизненные реалии, а недостаток средств мешал укрепиться культурным преобразованиям. Например, в Оптушанской коммуне Орловского уезда на момент создания были общий стол и общее пользование продуктами, «правильное счетоводство и отчетность», школа и летний театр для детей, но через пару лет «за недостатком сил все это временно сокращается». Другие организации рассыпались и возвращались к «трехполке и бездоходному крестьянскому хозяйству» или же реорганизовывались в товарищества[8].

С введением нэповских начал в деревне к революционному энтузиазму добавились другие мотивы создания коммун. Наблюдая за ситуацией в России, находившийся в эмиграции В. Тотомианц писал: «Среди сельскохозяйственных коллективов России видное место занимают так называемые коммуны, учреждаемые большевиками и бывшими землевладельцами вокруг больших городов» (Тотомианц, 1922: 169). Прецеденты создания коммун бывшими владельцами имений с целью сохранения родовых гнезд были и в Орловской губернии, так как для коллективных объедине-

5. Там же. Л. 74
6. «Орловская правда». № 197. 2 сентября 1923 г.
7. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1127. Л. 64
8. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 91.

ний в большинстве случаев отводилась помещичья земля. Успенская коммуна была организована на земле помещиков Казаковых в 1918 г. Ее председателем стал сам Казаков. В коммуне числилось 99 человек, в том числе выходцы из Польши, Поволжья, обладавшие ранее имениями. Трудоспособных было всего 49 крестьян, работавших на Казаковых еще до революции, при этом они имели свои хозяйства[9].

Покровительство советской власти коллективным хозяйствам, предоставление им бывших дворянских усадеб привлекало в коммуны местных управленцев. В письме в «Крестьянскую газету» под названием «Касьяновский царек» в 1924 г. крестьяне жаловались на председателя волостного исполнительного комитета Тельчинской волости Болховского уезда Кузнецова, который «от Наполеона Бонопарта в настоящее время не отличается». Одним из главных нареканий в адрес Болховского «Наполеона» было то, что, используя свое служебное положение, «являясь коммунаром», он захватил лучшую землю в общине[10].

Но подобные прецеденты стали исчезать по мере сворачивания рыночных отношений в деревне и переходу к коллективизации. С конца 1927 г. колхозы оказались под пристальным вниманием власти. Партийные и кооперативные органы губернии получили установку сделать небольшие «отсталые в своем развитии» организации из 5–6 дворов, образцом хозяйственной жизни для крестьянства[11]. При этом в Орловской губернии не было четких сведений даже о численности коллективных хозяйств: в документах разных ведомств их фиксировалось от 259 до 331[12]. «Высшей формой» коллективного хозяйства считалась коммуна, в губернии их насчитывалось всего 21, включая 8 «диких» (т. е. тех, кто не стоял на учете у кооперативных органов). Первый съезд колхозов состоялся в Орле 10–12 января 1928 г. На съезде присутствовало 78 делегатов от 69 колхозов. Они говорили о многочисленных проблемах своих объединений, среди которых были склоки, незаинтересованность в результатах работы, пьянство, текучка кадров, низкая трудовая дисциплина, отсутствие учета и контроля.

Колхозы поддерживались кредитами (в 1926/27 г. в губернии было выдано 367 тыс. руб.), налоговыми льготами, техникой, ускоренным землеустройством, мелиоративными работами. Когда «классовая линия» еще была не столь очевидна, эти меры господдержки привлекали в них «крепких мужичков»: в социальном составе колхозников находилось 12% зажиточных, 40% середняков. Частым явлением были растраты. Так, Успенская коммуна распалась по вине

9. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1127. Л. 71.
10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 462. Л. 67.
11. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2044. Л. 43.
12. ГАОО. Д. 2037. Л. 32. Д. 1948. Л.12.

ее председателя, бывшего помещика Казакова, который не смог погасить кредит на сумму 23 тыс. руб.[13]

Несмотря на щедрую государственную поддержку, колхозы отличались от крестьянских дворов низким уровнем производства. По данным губернской рабоче-крестьянской инспекции, с 1926 по 1927 г. товарность в колхозах снизилась в два раза, с 34 до 17%[14]. В коммунах отмечалась большая текучесть кадров, состав участников этих объединений обновлялся до трех раз за два года. Данные о масштабах колхозного движения в ЦЧО, по разным источникам, различаются. Во многом это было обусловлено тем, что сама область как административная единица образовалась в 1928 г., поэтому для ретроспективного анализа требовалось обобщить сведения отдельных губерний. В журнале «Хозяйство ЦЧО» № 2 1928 г. приводились следующие показатели колхозной динамики. В 1925 г. на территории будущей Центрально-Черноземной области (в 1928 г. в ее состав войдут Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии) насчитывалось 1008 колхозов (83 коммуны, 405 артелей, 520 ТОЗов), объединивших 71 217 человек, или 0,63% населения. К 30 сентября 1928 г. количество колхозов увеличилось до 2803 (92 коммуны, 721 артель, 1990 ТОЗов), в них состояло 38 тыс. хозяйств общей численностью 213 тыс. человек, или 1,9% всего населения области (Авилов, 1928: 43).

Рассмотрим, как обстояло дело колхозного строительства на примере Орловского округа ЦЧО. В октябре 1928 г. на II пленуме Орловского Окружного комитета ВКП(б) прозвучал неутешительный вывод: «Несмотря на наши мероприятия, не имеем ни одного показательного колхоза»[15]. На 1 октября 1928 г. в губернии насчитывалось 7 коммун из 325 коллективных хозяйств[16]. Средний размер коммуны составлял 162 га на 46 человек. Землеобеспеченность коммун была значительно выше товариществ по совместной обработке земли (самой распространенной формы колхозов) — 110 га на 71 человека[17]. Это свидетельствует о значительной государственной поддержке «высших форм» колхозов. При среднем соотношении между государственным земельным фондом и крестьянской надельной землей в колхозах — 57% к 43%, в коммунах эта пропорция достигала 80% к 20%[18]. От других форм колхозов коммуны отличались «историческим возрастом»: если в среднем 15,7% колхозов имели стаж 7–10 лет, то для коммун этот показатель составил 60%[19]. Скорее всего, свою роль сыграли мотивы организа-

13. Там же. Д. 2044. Л. 55.
14. Там же. Л. 15.
15. Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 8. Л. 38, 40, 21.
16. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 33. Л. 207.
17. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 79. Л. 20.
18. Там же. Л. 21.
19. Там же. Л. 20, 21.

ции коммун: идейная приверженность или сохранение дворянского гнезда под прикрытием колхозного устава. Подтверждением является поляризация крестьян — участников строительства коммун. В их социальной структуре на 1 мая 1928 г. насчитывалось 75% бедняков и 5% зажиточных крестьян, при средних показателях на всю обследованную выборку колхозов — 54,5% бедняков и 4% зажиточных[20]. В материалах Колхозсоюза от 1 мая 1928 г. приводятся сведения о половозрастном и рабочем составе коммунаров[21]. В 5 обследованных коммунах общей численностью 229 человек было полностью занятых 64 мужчины и 70 женщин, 24 человека частично занятых, 4 — нетрудоспособных, 57 детей. Преобладание женщин над мужчинами в трудоспособном возрасте объяснялось тем, что в коллективы вовлекались вдовы из крестьянской бедноты. Примечательно, что из всего состава коммун только 58% участников были полностью заняты и только 101 человек (44%) были грамотными[22]. Главным преимуществом коммун перед другими формами колхозов, с точки зрения государства, был высокий процент обобществления имущества — 94% земли и 98% коров были в общественной собственности (Трагедия советской деревни, 1999: 420). В организации труда, так же как и в других коллективных хозяйствах, отсутствовали система и дисциплинированность. Оплата труда была установлена только в 20% от всех обследованных коммун. Доход мог распределяться по семьям или по затраченному труду. Такая система оплаты труда не содействовала поднятию трудовой дисциплины.

Основной капитал в колхозы, не считая земли и построек, поступал из комитета Государственного земельного имущества. В первую очередь он направлялся в коммуны (60 555 руб., или 57,7% от всех капиталов). Самостоятельно коммуны накопили к отчетному периоду только 6895 руб., или 6,6% от всех капиталов. Добавим к этому низкий уровень агротехнической культуры, некомпетентность в делопроизводстве, отсутствие представлений об ответственности за собственность. Все это порождало иждивенческие настроения, приводило к задолженности по кредитам.

Колхозы Орловского округа в 1926/27 г. получили кредитов на сумму 79 288,61 руб., к 1 мая 1927/28 г. было выдано дополнительно 40 722,81 руб. А общий долг колхозов к этому времени составил 164 184,18 руб., в среднем — 2782 рубля на хозяйство[23]. Прослеживалась закономерность: чем выше был статут объединения по социалистической шкале, тем больше была задолженность. Так, наибольшая задолженность была у коммун: она колебалась от 1204 до 16 566 руб.,

20. ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 33. Л. 208.
21. ГАОО. Д. 343. Л. 28.
22. Там же.
23. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1 Д. 343. Л. 40.

артели были должны от 246 до 710 руб., ТОЗы — от 40 до 3745 руб. на объединение[24].

Усиленная государственная поддержка в обмен на идеологическую вывеску без должного контроля была очень мощным аргументом для отстаивания статуса коммуны. Отдельные «коммунары» упорно не желали сдавать своих позиций. С 1928 по 1930 г. под пристальным вниманием «Колхозцентра» и редакции газеты «Правда» находилась тяжба между местной властью Козловского округа ЦЧО и семьей Воробьёвых, составлявшей костяк коммуны «Заря социализма». До революции Воробьёвы были малоземельными крестьянами. Заработки на отхожих промыслах помогли им купить в 1904 г. 40 десятин земли. Чтобы защитить свой участок от общинного передела, они зарегистрировали в 1920 г. артель «Новый путь». В 1926 г. артель, состоявшая из одних родственников Воробьёвых, объединилась с организованной анархистом Реповым коммуной «Вольная община» в новую коммуну «Заря социализма». Инспекции, направляемые по поручению председателя Колхозцентра Г.Н. Каминского, в своих отчетах обозначали разные направления этой коммуны: анархический, сектантский и предпринимательский. Партийное влияние случайно проникло в «Зарю социализма» только в 1930 г. — и притом со знаком «минус». Разоблачив одного пьяницу, бывшего «по недоразумению партийцем», Воробьёвы усилили свой авторитет среди крестьян. Местные власти хотели зачислить Воробьёвых в категорию «кулаков», собирали доказательства, показания и т. д. «Воробьёвы, в свою очередь, занялись этим же, собирая подписку среди граждан, доказывая, что с 1920 г. они колхозники». Личные средства Воробьёвых составляли 50% всех вкладов коммуны. Доступ в коммуну имели только состоятельные крестьяне, причем для новичков существовал принцип: в течение первого года за общественные работы они ничего не получали. При этом «коммунары» использовали доступные лифты социальной мобильности, направляя молодежь на учебу на тракторные курсы и в вузы. «Зарю социализма» можно привести в качестве редкого примера коммуны, пользующейся авторитетом в крестьянской среде. Воробьёвы выступали защитниками деревенских жителей от притеснения большевиков, играли «роль ходатаев при случаях различных перегибов на местах». Нападки местных властей парировались хвалебными статьями московских корреспондентов в «Правде»[25].

Создание коммун для реализации меркантильных интересов тех, кто оказался ближе к власти, оставалось устойчивой тенденцией на протяжении всего периода нэпа. Отдельные эпизоды были даже в конце 1920-х гг., когда курс партии в отношении всех форм хозяйственной самодеятельности заметно ужесточился. Партра-

24. ГАОО. Д. 79. Л. 27.
25. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 109.

ботники Льговского района ЦЧО совместно с агрономами и студентами Тимирязевской академии образовали в 1928 г. коммуну «1 мая». Основу коммуны составил «ряд кулацких хозяйств». До осени 1929 г. коммунарам удавалось получать льготы и избегать налогообложения. Если бы коммунары платили налоги самостоятельно, они должны были бы выплатить 2 701,17 руб., в то время как налог на коммуну составил всего 400 руб. Почти семикратное сокращение налога. Да еще за год грамотные колхозники, скрываясь за фасадом коммуны, сумели превратить в недвижимость 32 661 руб. государственных кредитов[26]. На закате нэпа создание коммуны «1 мая» стало выгодным проектом, прибыль от реализации которого составила около 35 тыс. руб.

Таким образом, большинство коммун Центрального Черноземья в 1920-е гг. были адаптированы к новой экономической и политической ситуации, новым «правилам игры», установленным советской властью. Состояние коммун региона в конце нэпа не оставляло властям возможности связывать с ними большие ожидания и радужные перспективы. Большевикам потребовался другой механизм для реорганизации деревни и популяризации колхозной практики.

Реальное положение дел в колхозах в регионе сильно контрастировало с теми мифами о преимуществе коллективного труда, которые создавались в центре. Например, в вышедшей в 1929 г. книге «Коллективизация советской деревни» под редакцией А. Гайстера говорилось о жизнеспособности колхозов, о преимуществе их над единоличной округой в урожайности зерновых культур (Коллективизация советской деревни, 1929: 22). В официальной статистике приводились такие данные: в РСФСР товарность зерна при урожайности 8 ц с га в крестьянских хозяйствах достигала 22%, а в колхозах, соответственно, — 9,5 ц и 42% (Там же). По данным Ф. Цылько, в РСФСР в колхозах товарная продукция в 1927 г. равнялась 30%, в 1928 г. — 34% (Цылько, 1928: 9-10). Пример орловских колхозов существенно «не дотягивал» до официальных показателей: по подсчетам орловской ГубРКИ, товарность колхозов в 1927 г. составила 17%[27].

При этом нельзя исключать наличие в стране образцовых хозяйств, усиленных техникой и госсредствами, выступавшими «витриной» коллективизации. Но они были успешны на определенном отрезке времени. В этой связи интересен опыт лидера колхозного движения Орловского округа — «Коммуны III интернационала».

30 августа 1928 г. ей исполнилось 10 лет. Колхозцентр использовал это событие для привлечения внимания крестьянства и популяризации колхозного движения. Председатель окружного правления Колхозцентра Ковалев отмечал необходимость подарить коммуне особые подарки: «кинопередвижку, громкоговоритель, хорошего

26. Там же.
27. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2037. Л. 15.

производителя»[28]. Предполагалось выделение средств на приведение в порядок школы и детских яслей в коммуне. Это было особенно важно, так как эти детские заведения посещали дети не только коммунаров, но и других крестьян. Коммуна смогла наладить хозяйственные связи с крестьянским окружением: жители окружающих деревень помогали вязать снопы, а коммунары производили обмолот их зерна сложной молотилкой. Материальная оснащенность коммуны благодаря систематическому вкладыванию государственных средств в этот образцовый проект колхозного быта была достаточно высокой: 4 молотилки разных видов, 2 трактора, 3 сеялки, маслобойный завод, 18 лошадей, 28 коров, 66 овец, 70 свиней в расчете на 87 человек. Для коммунаров были отремонтированы квартиры, которые были «еще тесны, но сравнительно чисты». Пища в общественной столовой была «вне всякого сравнения с тем, чем питается деревня сейчас»[29].

Вместе с тем по итогам ознакомления с работой коммуны осенью 1928 г. у окружной парторганизации было к ней много претензий. Состав коммунаров часто обновлялся. К моменту обследования за короткий срок выбыло 50 человек (на момент обследования было 87), из них не выдержали сельхозработ 28 шахтеров Донбасса и 22 батрака. Новых членов коммуна принимала по заявлению, но после замечаний со стороны партийных органов стали наводить справки на новичков у крестьян и устраивать им 6-месячный испытательный срок. Текучка кадров не позволяла ликвидировать образовательные лакуны, даже при наличии школы около 10% коммунаров были неграмотными. Члены правления коммуны увлекались поездками в город, в райисполком, проводя в командировках не менее двух недель в месяц. Рядовые коммунары тоже были не очень дисциплинированны. Нарекания со стороны властей вызывал порядок в коммуне, по которому выходящему из объединения крестьянину возвращали его имущество: «Это дает возможность члену коммуны чувствовать себя развязно, не то, мол, подавайте корову, лошадь, уйду-ка с вашей дисциплиной и т. д. Потом такой порядок притягивает коммунаров к его внесенному имуществу, он с пристрастием, в ущерб другим ходит за скотом, который он привел»[30].

До апреля 1928 г. не было личной заинтересованности коммунаров в работе, частыми явлениями были прогулы из-за болезни, опоздания. В апреле была введена поденная плата в размере 30–65 коп. за рабочий день (из этих денег удерживалось за питание). Нововведение оживило работу, позволило вовремя убрать и обмолоть хлеб и т. д. Но проблема учета индивидуального вклада в общую работу все равно оставалась важной в налаживании коллек-

28. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 158. Л. 30.
29. Там же. Л. 176.
30. Там же.

тивного быта. Комиссия по обследованию среди других замечаний отмечала отсутствие учета рентабельности отраслей сельского хозяйства. Его и не могло быть, так как, несмотря на улучшенную материально-техническую базу, «урожайность полей коммуны мало чем отличалась от полей крестьянских, по причине слабого контроля за работой над добросовестным отношением к работе членов коммуны, в том числе партийцев и комсомольцев». Даже образцово-показательные колхозные организации остро нуждались в контроле над «добросовестностью» труда. Подобные замечания были абсурдны, поскольку смешивали такие понятия, как личная заинтересованность в общем деле с экономической выгодой для себя и добровольно-принудительный подход к организации основных работ. Как и другие объединения, прикрывающиеся утопическими лозунгами, «Коммуна III интернационала» страдала от бесхозяйственности. Доставшиеся ей в наследство помещичьи постройки гнили и разрушались.

В газете «Орловская правда» 11 декабря 1929 г. сообщалось о том, что совет коммуны, желая «подзаработать», сдал в аренду семеноводческому товариществу большой амбар, а свои коноплю и просо ссыпал в маленький, неприспособленный для хранения зерна. В результате были загублены 400 пудов конопли и 200 пудов проса. Всю вину «Орловская правда» переложила на слабость партийного руководства коммуной, ведь к концу 1929 г. в ячейке РКП(б) числилось только 4 человека[31].

Таким образом, мы видим, что находившееся более десяти лет под опекой и пристальным наблюдением власти колхозное объединение из разряда самых дорогих для большевиков образцово-показательных коммун страдало всеми теми же болезнями, что и остальные организации этого типа. Коммунистический эксперимент с новыми формами хозяйствования и быта и в этом случае не давал искомых результатов[32].

Судьба коммун с началом массовой коллективизации складывалась противоречиво. Несмотря на то что власть провозглашала преемственность колхозного движения, ставилась задача унификации аграрного производства. Многоукладность противоречила этатизации сельского хозяйства. Отсюда — резкая критика в адрес коммун, которые в 1920-е гг. рассматривались как высшая форма коллективных объединений. Специальные бригады по заданию ЦК и Колхозцентра произвели обследование коммун ЦЧО 15–25 декабря 1931 г. По итогам обследования первым пунктом было замечание о том, что большинство коммун функционируют на основе устава 1920–1923 гг., определяющего в качестве задачи коммуны «поднятие материального и духовного благосостояния членов ком-

31. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 279. Л. 36.
32. Там же. Л. 169.

муны посредством равномерного распределения труда и распределения его результатов» [33].

В 1931 г. критике подвергались принципиальные основы организации коммун, в частности, уравниловка как основной доступный крестьянскому сознанию критерий социалистического быта. Коммуны критиковались за стремление к самостоятельному хозяйствованию на социалистических рельсах, за то, что «увлекались» источниками привлечения прибыли (мельницы, крупорушки, кожзавод и т. д.) или «торгашеством» промтоварами. Коммуна «Новая деревня» привлекала окружающих крестьян работать на мельницу, что также рассматривалось как отягчающее последствие торгово-промышленной деятельности[34].

Привыкшие выживать в годы нэпа коммуны заводили многопрофильные хозяйства, экспериментируя с различными отраслями животноводства, огородничества, промпредприятиями. Эта «универсальность» не устраивала контролирующие организации, так как препятствовала внедряемой колхозной специализации. Районные организации пытались перенаправить деятельность коммуны «им. Калинина» в животноводческое русло, создать на ее базе свиноводческую ферму. Но коммунары восприняли новую специализацию крайне негативно: «Свинари считают себя не постоянными работниками на свинарнике, а временными и стремятся уйти на другие работы. Звание свинаря считается не почетным, а позорным, и чувствует себя на свинарнике вроде как в ссылке, отбывая наказание...»[35]

Порицание властей вызвало также «неэкономическое и бесплатное потребление продуктов внутри хозяйства». В коммуне «Новая деревня» за 1931 г. было сдано государству 40 ц рогатого скота, а потреблено — 85 ц. Кроме того, план по молоку «новодеревеньковские коммунары» выполнили на 50%, сдав государству 445 ц, тогда как внутренняя реализация составила 1101 ц, т. е. почти в 2,5 раза больше. Яиц сдали 15 сотен (12% плана), а съели (или продали на рынке) — 120 сотен. «Вопиющим фактом» было названо контролирующими органами соотношение потребления и сдачи государству мясной продукции в коммуне «им. Ленина»: за три года (с 1928 по 1930 г.) государству было сдано 20 голов крупного рогатого скота, а сами коммунары употребили 308 голов, при этом за 1930 г. была сдана только одна голова, а съедены — 156. Усиленное потребление крупного рогатого скота в 1930 г. скорее напоминало разбазаривание скота в процессе коллективизации. Причины такого антиколхозного поведения коммунаров скрываются в глубоком противоречии между кооперативной сущностью коммун 1920-х гг. и фактическим огосударствлением аграрного сектора в процессе

33. ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 466. Л. 32.
34. Там же. Л. 33.
35. Там же. Л. 98.

коллективизации начала 1930-х гг. Таким образом, начальный этап коллективизации ознаменовался известным разрывом с теми формами крестьянской хозяйственной самодеятельности, которые были характерны для 1920-х гг.

Техническая база обследованных коммун была сравнительно высокой, однако подготовленные кадры в необходимом количестве, по мнению проверяющих, отсутствовали; техническое оснащение в целом не соответствовало потребностям производства, а нецелесообразная и неумелая эксплуатация машин привела тракторный парк «в кладбищный вид»[36].

Финансовые планы не выполнялись, более того, коммунары о них даже не догадывались. Причины такой финансовой неустойчивости скрывались как в потребительском характере коммун, так и в отсутствии у большинства коммунаров представления о финансовом плане вообще. В коммуне «им. Калинина» с 1927 по 1929 г. включительно никаких бухгалтерских записей по операциям с кредитными учреждениями не велось. Финансовое состояние коммун было названо «нездоровым», что подразумевало закредитованность, наличие просроченных платежей, невыполнение финансовых планов, а также использование кредитов не по назначению. Например, в коммуне «им. Карла Маркса» общая задолженность составляла 80% от ее баланса. В коммуне «им. Старых Большевиков» просроченный на 1 января 1932 г. кредит в 45 517 руб. был равен 82% валового дохода коммуны в 1931 г. Финансовый план коммуны «Новая деревня» на IV квартал 1931 г. был выполнен на 12%. В коммуне «им. Калинина» было получено кредитов от госбанка на сумму 111 006 руб. 60 коп., а погашено 9873 руб. 27 коп.[37]

Финансовое положение было обусловлено неудовлетворительной организацией труда и низкой производственной дисциплиной членов коммун. Изъяны в хозяйственной деятельности были огромны. Это касалось как потерь урожая, поломки инвентаря, так и падежа скота из-за неправильного содержания. В коммуне «им. Калинина» пало 47% телят, 60% овец, 44% птицы, 40% поросят[38].

Коммунары были подвержены иждивенческим настроениям, старались учить за счет коммуны своих детей, кормить нетрудоспособных родственников и очень возмущались, когда обнаруживались попытки со стороны государства переложить эти расходы на плечи дееспособных членов их семей. Были и такие примеры: «В коммуне «Ленина» коммунар Зиновец выработал 81 трудодень, стоимость которых оправдывает питание его семьи только на 3–4 месяца, остальные 9 месяцев Зиновец поедает продукты коммуны». Наблюдатели отмечали: «Расходование продуктов через общественные столовые граничит с явным разбазариванием». Большин-

36. Там же. Л. 33-34.
37. Там же. Л. 79.
38. Там же. Л. 34.

ство коммунаров считало, что государство должно предоставить им полное обеспечение.

Пытаясь выдать коммуны за витрину социалистического быта, государство уделяло большое внимание созданию культурно-бытовых учреждений. Например, в коммуне «им. Карла Маркса» был оборудован клуб с драмкружком, библиотека, школа первой ступени, в которой учились все дети коммунаров школьного возраста, стационарные детские ясли на 35 детей и даже стационарная больница. Коммунары могли слушать радио, получали газеты, но, как отмечалось в докладной записке, они «в большинстве случаев не прочитываются и идут на прокур»[39]. Имелась даже электростанция, обеспечивавшая светом все общественные помещения и квартиры, в которых проживали семьи коммунаров (обеспеченность большинства семей отдельными квартирами была нечастным явлением для тогдашних коммун). Но при этом не было ни общественной столовой, ни бани, ни прачечной, ни отведенных уборных[40]. В коммуне «им. Калинина» в клубе разместили детские ясли и площадку, поэтому клубная работа была свернута. Содержание детей в яслях нарушало все нормы гигиены. В коммуне «им. Старых Большевиков» в детских яслях «нет второй смены белья и одежи для детей, воспитательная работа неудовлетворительная, имеет место грубое обращение и побои детей, также неудовлетворительное питание»[41].

Докладная записка бригады обкома об обследовании коммуны «им. Старых Большевиков» Ильинского сельсовета Алексеевского района дополняет диагностику состояния коммун Центрального Черноземья. Как и у других коммун, у нее была героическая история создания социалистической формы быта в 1919 г. и плохая хозяйственная ситуация в начале 1930-х гг. В декабре 1931 г. в коммуне состояло 508 человек: 144 мужчины, 158 женщин, 52 подростка и 154 нетрудоспособных члена без указания пола. Но отмечалось, что «фактически работало трудоспособных 90 муж. и 110 жен.»[42]. Остальные, видимо, находились в упоминаемом в документе «самотечном отходничестве» или ушли служить в Красную армию. Коммуна, испытывая дефицит рабочей силы, прибегала к использованию наемного труда и оплачивала труд 25 сезонных рабочих и 20 поденных. Для коммуны была характерна текучесть кадров: за 1930–1931 гг. сменилось 5 председателей. А содержание аппарата было неоправданно дорогим.

До 1930 г. коммуна была потребительской организацией, жила за счет сада и мельниц, государству почти ничего не сдавала, но продолжала брать кредиты. Пытались организовать птицевод-

39. Там же. Л. 96.
40. Там же. Л. 46.
41. Там же. Л. 82.
42. Там же. Л. 75.

ство, но из-за отсутствия помещения и неумелого ухода в 1930 г. пало 16 тыс. голов птицы. Как следствие, огромная задолженность на фоне запущенного финансового состояния, когда все хозяйственные расчеты коммуны производить оказалось просто невозможно. Общая стоимость имущества коммуны оценивалась в 135 401 руб., в т. ч. бывшей собственности коммунаров — на 53 484 руб. Задолженность к концу 1931 г. составляла 91 854 руб. Если учесть, что в 1931 г. на содержание членов коммуны ушло 33 836 руб. (на питание, которое осуществлялось «по потребности за общий счет столовой коммуны равно для всех», было потрачено 18 087 руб.; а на зарплату — 15 552 руб., т. е. в среднем 40 коп. за трудодень), то получается, что долги коммуны почти втрое превышали ее годовые расходы[43].

Как видим, возможности экономического роста доходов коммунаров были жестко ограничены целым рядом обстоятельств — и внешнего, и внутреннего для коммун характера. Государство пыталось втиснуть их в рамки районной специализации, изымать продукцию в счет обязательных государственных поставок по минимальной цене, т. е. сделать их стандартными государственными сельхозпредприятиями. Одновременно по инерции в коммунах стремились обнаружить и образцы нового быта, и модели новых трудовых отношений. С этой целью им выделялись солидные материальные фонды. Но низкий уровень агротехнической и бытовой коммунарской культуры, отсутствие навыков работы с техникой и финансовая безграмотность коммунаров крайне затрудняли достижение ожидаемых результатов. Вместо этого нарастали потребительские и иждивенческие настроения.

Однако принадлежность к коммуне служила отличным социальным лифтом. Например, в докладной записке об обследовании коммуны «им. Калинина» Поляновского района 5 сентября 1931 г. перед нами предстает следующая картина. В коммуне состояло 147 хозяйств общей численностью 553 человека, из них трудоспособных и непосредственно занятых в аграрном производстве было 142 мужчины и 164 женщины, а также 87 подростков, или 393 человека. А остальные 160 человек были «заняты работой на стороне, в Красной армии, на учебе», либо это были дети грудного возраста. О кадровом движении в коммуне говорят такие данные: 21 человек обучался на различных курсах, 5 человек «выехало на учебу», 9 человек ушли служить в армию, 70 человек были выдвинуты на различные руководящие посты в самой коммуне и даже в районе. Что же касается состояния хозяйства в коммуне, то оно было в полном упадке: товарность сельхозпродукции сократилась на 60–80%, падеж скота из-за плохого содержания увеличился до 75%. В докладной записке об обследовании коммуны выносился нелицеприятный вердикт ее хозяйственной деятельности: «Фактически же в комму-

43. Там же. Л. 79.

не никакого направления не существует, все отрасли хозяйства ведутся одинаково плохо и одинаково безтоварны»[44].

Критика в адрес некогда приоритетных высших форм коллективных хозяйств в начале 1930-х гг. имела под собой достаточные основания. Известный деятель аграрного российского движения С.С. Маслов, постоянно и жестко критиковавший политику большевиков в деревне на всех ее этапах, так оценил этот процесс: «Под прессом государственного принуждения в колхозном движении исчезли сложность рисунка и многоцветность красок, с которыми творческая жизнь всегда ткет свой ковер событий и процессов во всех сторонах общественного бытия» (Маслов, 2007: 135).

Основной формой коллективных хозяйств становилась сельскохозяйственная артель, которая выгодно отличалась от коммун неполным обобществлением средств производства и быта (что более соответствовало крестьянской психологии); предоставляла колхозникам большую степень хозяйственной самостоятельности, которая в условиях растущего государственного давления на колхозы была некоторым гарантом обеспечения их собственной жизнедеятельности. Сталинские сельхозартели лишь внешне напоминали кооперативы, фактически являясь огосударствленными сельхозпредприятиями, и были крайне далеки от первоначального замысла коммуны (Бондарев, 2006).

Библиография

Авилов А. (1928). Коллективизация и кооперирование в связи с восстановительными кредитами // Хозяйство ЦЧО. № 2.

Аграрная политика (1954) Советской власти (1917–1918), документы и материалы. М.

Бондарев В.А. (2006). Крестьянство и коллективизация: Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20–30-х годов XX века. Ростов-на-Дону.

Данилов В.П. (1962). Изучение истории крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М.

Кабанов В.В. (1997). Крестьянская община и кооперация России XX века. М.

Коллективизация советской деревни (1929). Предварительные итоги сплошного обследования 1928 и 1929 гг. // Под ред. А. Гайстера. М.

Маслов С.С. (2007). Колхозная Россия. М.

Тотомианц В. (1922). Кооперация в России. Прага, 1922.

Трагедия советской деревни (1999). Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / Под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.

Цылько Ф. (1928). Очередные задачи в области колхозного строительства // На аграрном фронте. 1928. № 9.

44. Там же. Л. 95, 100.

Communes of the Central Black Earth Region from "war communism" to collectivization: Design and implementation

Irina Goncharova, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Orel State University named after I.S. Turgenev. 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95. E-mail: 79066610166@yandex.ru.

German Chuvardin, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Orel State University named after I.S. Turgenev. 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95. E-mail: wodantag@mail.ru

The article considers evolution of the Bolsheviks' policy starting from the introduction of communes in the village as a socialist way of rural life in the post-revolutionary period. The archival materials of the Central Black Earth Region prove the idea of the authorities to create collective farms of commune type, which was determined by the revolutionary euphoria, and show the results of implementing this project in the agricultural center of the country during the NEP. The village communes (collective peasant associations) of the Orel Region depended on the state subsidies and state land fund. The social portrait of these communes' members and their estimates of the communes prove that some former noblemen tried to adapt to the new Soviet reality under the Charter of the commune to preserve their 'gentry nests' from land redistribution. The most important factor determining the life of village communes in the 1920s — early 1930s was their changing role in the state ideology and policy. During this period, the position of the Bolsheviks changed according to the strategic aims of the state agricultural policy. Under the NEP, when market relations and private initiative were allowed, the communes were considered exemplary farms of the future showing peasants a new way of everyday life and joint farming. Their economic unprofitability was ignored due to the task of cultural education of local peasants, which became an additional incentive for peasant entrepreneurs to enter communes and to use state subsidies to improve their financial situation. Communards' children had a good chance for education which was an important social lift of that time. The state collectivization policy radically changed the official attitude to village communes — they were thoroughly checked and strongly criticized. Thus, the multi-form agricultural sector was destroyed and the agricultural artel was declared the dominant form of collective farming. The primary task of new collective farms was to leave peasants without means of production and investments. Moreover, under the socialist experiment peasants simply disappeared as its observers and turned into collective farmers, i.e. participants of the experiment.

Key words: peasants, Central Black Earth Region, village communes, collective farms, authorities, Bolsheviks, collectivization

References

Agrarnaya politika Sovetskoy vlasti (1917–1918), dokumenty i materialy [Agrarian Policy of Soviet Power (1917–1918), Documents and Materials] (1954). Moscow.

Avilov A. (1928) Kollektivizatsiya i kooperirovanie v svyazi s vosstanovitelnymi kreditami [Collectivization and cooperation in relation to restoration loans]. *Khozyaystvo TsChO*, no 2.

Bondarev V.A. (2006) *Krestyanstvo i kollektivizatsiya: Mnogoukladnost sotsialno-ekonomicheskikh otnosheny derevni v rayonakh Dona, Kubani i Stavropolya v kontse 20-kh–30-kh godakh XX veka* [Peasantry and Collectivization: Multi-Form Rural Social-Economic Relations in the Don, Kuban, and Stavropol Regions in the Late 1920s–1930s]. Rostov-na-Donu.

Danilov V.P. (1962) Izuchenie istorii krestyanstva [Study of peasant history]. *Sovetskaya istoricheskaya nauka ot XX k XXII s`ezdu KPSS. Istoriya SSSR*. Moscow.

Kabanov V.V. (1997) *Krestyanskaya obschina i kooperatsiya v Rossii XX veka* [Peasant Commune and Cooperation in Russia in the 20th century]. Moscow.

Kollektivizatsiya sovetskoy derevni. Predvaritelnye itogi sploshnogo obsledovaniya 1928 i 1929 gg. (1929) [Collectivization in the Soviet Village. Preliminary Results of the All-Soviet Study in 1928 and 1929]. Pod red. A. Geistera. Moscow.

Maslov S.S. (2007) *Kolkhoznaya Rossiya* [Collective-Farm Russia]. Moscow.

Totomiants V. (1922) *Kooperatsiya v Rossii* [Cooperation in Russia]. Prague.

Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy [Tragedy of Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials] (1999). V 5-ti tt. Vol. 1. May 1927 — November 1929. Pod red. V.P. Danilova, R. Manning, L. Viola. Moscow.

Tsylko F. (1928) Ocherednye zadachi v oblasti kolkhoznogo stroitelstva [Immediate tasks of the collective-farm development]. *Na Agrarnom Fronte,* no 9.